

...По Дороге сна — мимо мира людей;
что нам до Адама и Евы,
Что нам до того, как живет земля?

Хелависа. «Дорога сна»

Пролог

Хлопнула дверь, моментально разрезав солнечное утро на половинки. Одна из них, яркая, умытая вчерашним дождем, цветущая васильками и крупными бордовыми мальвами, мгновенно исчезла. Мне же досталась другая: душная, кислая, пропахшая помоями и навозом, наполненная мычанием, шуршанием соломы, сопением и хрюканьем.

В амбаре не было темно. Сквозь маленькое окошко, затянутое пузырем, сочился мутный желтоватый свет, но все равно в душе шевельнулось беспокойство, глупое и беспричинное. Прихрамывая, я дотащила ведро с помоями до загородки, вывернула его в корыто и поспешила к выходу. Дел впереди еще много. Очень. И никто их, кроме меня, не сделает.

А потом я вдруг подумала, что, входя в амбар, специально подперла дверь жердью, и закрыться она никак не могла.

Толкнула дверь — та не шевельнулась. Навалилась всем телом — безрезультатно. Если я и подпирала ее, чтоб не захлопнулась, то кто-то постарался подпереть с другой стороны, чтоб я уже не открыла.

Дэвлин! Хоршев сыночек своей мамочки! Теперь, когда он меня запер, я не успею натаскать воды, за что

вполне ожидаемо получу оплеуху. И охота ж ему была вставать в такую рань, чтобы мне насолить?

Я отставила ведро, опустилась на колени перед дверью. Сарафан запачкался, но было уже не до него. Я припала лицом к шершавым доскам, попыталась сквозь щель рассмотреть, чем там застопорили дверь. По ту сторону темнело что-то большое, не меньше, чем полено. Ах ты паршивец!

И, понимая, что хозяйских оплеух теперь точно не избежать, я уселась прямо на землю. Все, что оставалось, — ждать, пока матушка Тирия изволит самолично заглянуть в амбар, обеспокоившись отсутствием завтрака на столе.

Я подтянула колени к груди, оперлась спиной о доски. От нечего делать расправила пострадавший подол сарафана. Потом сняла башмаки и принялась рассматривать мозоли на мизинцах, которые так надоедливо болели последнее время.

Ступни у меня маленькие и узкие, но сбиты в кровь. И мозоли противные. А у матушки и у Милки ступни розовые, мягкие, они даже покупали специальную мазь в баночках и ей ноги натирали. Меня и гоняли тогда за ней к торговцу. Мазь приятно пахла, розами. Мне тогда досталось... понюхать, что задержалось на доньшке. Тонкий-тонкий прозрачный слой. Я собрала мазь и натерла ей руки, потому что потрескались и болели. Матушка унюхала и заставила трижды перемыть полы в доме, чтоб я на чужое не заглядывалась. А Дэвлин ходил следом и ржал как конь. Мила, правда, не ржала, зато нарочно на свежевывмытые полы накрошила хлеба, и мне снова досталось.

Я сидела на земле и размышляла. Это всегда так: когда ничего не делаешь, в голову лезут самые разные мысли. Какие? Например, о том, как я могла бы жить, если бы матушка Тирия была моей родной матерью. Или о том, куда делись мои настоящие родители и почему меня оставили на крыльце этого дома. Я всегда представляла себе свою маму очень красивой, утонченной. Печальной принцессой, которую заперли в самой высокой башне мрачного замка. И, конечно же, она умела читать и писать, и обязательно была очень доброй. А почему она меня бросила? Ну, вдруг меня украли ее враги? О том, что моя родная матушка жива и выбросила меня, потому что не нуждалась в дочке, думать не хотелось.

Потом мысли вернулись к Дэвлину. Он был очень похож на матушку Тирию, рыхлый, рыжий и в веснушках. Когда мы были совсем еще детьми, он вел себя терпимо. Но почему-то когда стали подрастать, нрав у него сделался просто отвратительным. Он был старше на четыре года, и я в двенадцать лет не совсем поняла, зачем он прижал меня к стене всем своим рыхлым телом. А потом, когда полез целоваться, укусила за щеку. Сильно, до крови.

Тогда... меня наказали. А после того случая все, что делал Дэвлин, — это пакости. Разные, всякие, маленькие и не очень. Вот примерно как сейчас. Зачем он меня запер?

Шесть лет прошло уже с того случая. Злопамятный засранец.

За дверью что-то зашуршало, и меня словно пружиной подбросило. Развернувшись, я снова припала

к щели. Снаружи была видна чья-то серая юбка, длинная. Юбка колыхалась, я увидела сжатую в кулак руку. Молодую руку.

— Мила! — позвала я. — Это ты? Выпусти!

Молчание. Я не понимала почему. Уж Миле-то не за что на меня злиться. Незачем.

— Мила?

Меня затрясло. Почему она молчит? Что они там задумали?

— Ильса, — наконец сказала она и присела на корточки.

Я увидела ее лицо, круглое, розово-веснушчатое. И даже один глаз увидела, водянисто-серый, в реденьких рыжих ресницах.

— Милочка, выпусти меня, — я вцепилась в плохо оструганные доски, — это Дэвлин меня запер, да? Выпусти, пожалуйста! Матушка злиться будет, а я...

— Ильса, — Мила приблизила губы к щели, — знаешь... я не могу. Не могу выпустить, прости. И это я тебя заперла.

Меня словно холодной водой окатили.

— Но... почему? За что? — Сиплый шепот царапал сжавшееся в спазме горло.

— Матушка приказала. А Дэвлин еще ночью поехал в замок Бреннен.

— Выпусти меня, — прошептала я, — Мила, выпусти...

Упоминание замка Бреннен напрочь лишило способности мыслить. И я заорала, уже не таясь:

— Выпусти! За что? Что я тебе сделала? Я же тебя спасла! Мила-а-а-а!

И заколотила кулаками в доски, сдирая кожу, но уже не чувствуя боли. Потом опомнилась, снова вцепилась в дверь, припала к щелке — серая юбка быстро удалялась.

— Мила-а-а-а!!!

...Вот так. Остается только сидеть на полу. Амбар крепкий, из него не выбраться. А оконце слишком маленькое и слишком высоко, чтобы им воспользоваться.

Снова полезли мысли, непрошенные, неприятные. Почему они так со мной? Если меня отдадут в замок Бреннен, то... я даже не знаю, что со мной станет. Но уверена — это будет во много раз хуже, чем десять оплеух от матушки и лезущий под юбку Дэвлин. Люди, способные ходить в Долину Сна, уже не остаются людьми.

А я... я сделала самую огромную ошибку в своей жизни, не позволив Миле в эту Долину шагнуть.

Каждый добрый поступок наказуем, вот к какому выводу я пришла.

Мысли — бестолковые мысли — раздражали. Я поднялась, стала ходить по амбару, как была, босиком. Когда двигаешься, немного легче.

Значит, замок Бреннен...

Сколько мне осталось? Наверное, уже недолго. Наша деревня в полудне езды от замка. Вернее, от каменного утеса, который стоит, чуть склонившись, любуясь собственным отражением в море. Утес так и называют, «горбатым». А на горбу стоит старый-старый замок, куда нет никому хода — кроме тех, кто может защитить людей от Сонной немочи и от власти

духа Урм-аша, проклятого духа Вечного сна. Болтают, что там, за высокими серыми стенами, сложенными из древних камней, сноходцев изготавливают из тех, в ком есть частица духа Пробуждения. Болтают и о том, что тех, кого привозят в Бреннен, сперва потрошат, затем, уже выпотрошенных, вымачивают в больших черных чанах, а вместо внутренностей внутрь кладут солому. Вроде как сноходцы после этого могут вытащить из Долины любого... мне не хотелось, чтобы меня разрезали, словно рыбину, и выпотрошили. Жить хотелось... очень. Любой ценой.

И я ничего не могла сделать. Ни-че-го. От осознания собственного бессилия, невозможности хоть что-нибудь изменить мутило, а во рту пересохло.

А может быть, так даже лучше?

У меня нет никого, кто бы обо мне горевал. Никто не будет ходить на мою могилу, если умру. Ну не Дэвлин же, в самом деле. И даже если меня выпотрошат и набьют соломой... Как-то ведь эти сноходцы остаются живыми? Как-то разъезжают они по королевствам? Еще и плату берут такую, на какую вся наша деревня жила бы год.

Меня начало знобить. Надо было чем-то себя занять, а я не знала, чем. Подошла, погладила корову Марьку. У нее был такой теплый и мягкий нос, и глаза — большие, блестящие, как будто она собиралась заплакать.

— Маречка, — невольно прошептала я, — моя хорошая...

Поняла, что сама уже реву, горячие слезы катились по щекам. Было страшно, но сильнее страха терза-

ло осознание того, что моя приемная семья попросту меня продаст. А Милу я ведь вытащила, выхватила у Сонной немочи, успела до того, как ее тело стало превращаться в сухую куколку..

Когда за дверями раздался шум, я только прижалась спиной к загородке, за которой печально стояла Марька. Перед глазами стремительно сгущался туман, сердце трепетало где-то в горле. И как будто издали-издалека услышала я голос матушки.

— Вот, милостивые государи, вот тут она, наша ласточка. Отдаю, от сердца отрываю. Вы уж не обидьте меня. С двумя детьми остаюсь.

В открывшемся дверном проеме возникли два плечистых мужика в черных доспехах, на головах — шлемы.

— Не надо, — вырвалось у меня жалкое, — матушка, не надо! Пожалуйста! Клянусь, все буду делать и злить вас не буду! Только не отдавайте!

— Молчи, дуреха, — совсем недобро ответила матушка Тирия, — совсем ума лишилась? Да не слушайте ее, государи мои, дурная девка, блажная. Вчера сама просилась.

— Так, может, ты нас обманываешь? Не похоже, чтоб сама просилась, — пророкотал один из мужчин, останавливаясь.

— Милку спросите, милостивые государи! Увидите все как есть. Частица Энне-аша в ней, клянусь Всеми!

— Не надо, — прохныкала я, понимая, что девать-ся уже некуда.

Двое шагнули ко мне сквозь трепещущее полотнище надвинувшегося обморока.

— Извольте с нами, барышня, — прогудел один из них.

— Нет... нет!

И тут не иначе как безумие меня охватило. Я рванулась вперед, между ними, прямо к распахнутой двери. Дура. Разве женщина может тягаться в ловкости с тренированными воинами?

Они меня так мягко и ловко подхватили под локти, что я даже не сразу поняла: ноги болтаются над землей.

— Идемте, барышня. Не надо бояться.

— Отпустите! — взвизгнула я, извиваясь всем телом, едва не выскакивая из сарафана. — Умоляю, пустите! Я же... никому... дурного не делала... никому...

— Конечно, никому и ничего, — согласились они.

И поволокли прочь из амбара, словно я ничего не весила. Босиком, как была.

Я успела увидеть довольную рожу Дэвлина, опечаленное лицо Милы. Она по воздуху начертила мне вслед оберегающий знак, призывая Всех быть милостивыми. Потом... широкие ступени крыльца сбоку, трещина в беленой стене дома, ветвистая, наискосок. Ворота. Цветущие мальвы, ярко-розовые, бордовые, желтые, раскрытые навстречу солнцу.

Прямо за воротами стояла черная карета, огромная, как мне показалось, без окон. Просто здоровенный черный ящик.

Все так же, без особого труда, но при этом очень аккуратно, меня затолкали внутрь, и снаружи щелкнул запираемый замок. Я свалилась на колени, ноги не держали, и судорожно хватала ртом душный воздух,

в котором витали совершенно незнакомые мне запахи. Я бы даже сказала — ароматы, цветочные и свежие, точно первые капли дождя после засухи.

— О, — прозвучал чей-то голос. Мужской, приятный голос. — Надо же, свиарником запахло.

Карета дернулась и покатилась, прочь от дома и навстречу замку Бреннен.